

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.256.263>

ЕЩЕ РАЗ ОБ УНИКАЛЬНЫХ УДИЛАХ С ПСАЛИЯМИ С ЗООМОРФНЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

©2026 г. С.С. Иванов, М.К. Пиридинова

В статье анализируются уникальные цельнолитые удила с псалиями, которые были найдены в составе Новопавловского клада в Чуйской долине. Окончания псалиев данных удил декорированы головками горных козлов в скифо-сибирском «зверином» стиле. Ближайшие аналогии данным цельнолитым удилам отмечены в могильниках Уйгарак и Тагискен в Приаралье, что позволило их датировать в пределах VII в. до н.э. Генезис удил подобного облика в Центральной Азии связан с ближневосточной традицией, конструктивно близкие цельнолитые удила с псалиями известны на Ближнем и Среднем Востоке, Южном Кавказе в VIII – начале VII вв. до н.э. Но совокупность центральноазиатских цельнолитых удил сохранила также морфологические черты, свойственные для степной традиции, поэтому может рассматриваться как синтетическая попытка соединить две независимые друг от друга линии развития конского снаряжения, что могло произойти в Приаралье. Это позволяет предположить, что удила из Новопавловского клада являются импортом из данного региона.

Ключевые слова: археология, Притяньшанье, раннесакский период, цельнолитые удила, зооморфный декор, культурные контакты.

ONCE AGAIN ON THE UNIQUE BITS WITH ZOOMORPHICALLY DECORATED BIT SHANKS FROM THE CHUY VALLEY

S.S. Ivanov, M.K. Piridinova

This paper analyzes unique solid-cast horse bits with bit shanks from the Novopavlovka hoard in the Chuy Valley. The ends of the bit shanks are adorned with Capra heads rendered in the Scytho-Siberian "animal style." The closest parallels to these solid-cast bits have been identified at the Uigarak and Tagisken burial grounds in the Aral Sea region, enabling their dating to the VII century BC. The genesis of bits of this shape in Central Asia is linked to a Near Eastern tradition: structurally similar solid-cast bits with bit shanks are documented in the Near and Middle East and the South Caucasus during the VIII – early VII centuries BC. However, the Central Asian solid-cast bits also retained morphological features characteristic of the steppe tradition. Consequently, it may be regarded as a synthetic attempt to combine two independent lines of horse equipment development – a process that could have occurred in the Aral Sea region. This supports the hypothesis that the bits from the Novopavlovka hoard represent an import from that area.

Keywords: archaeology, Tien Shan foothills, Early Saka period, solid-cast bits, zoomorphic decoration, cultural contacts

Вводная часть. Раннесакский период в Притяньшанье остается все еще одним из наименее изученных в эпоху раннего железного века данного региона. Но именно этот период сыграл важнейшую роль в эпохальной трансформации всего комплекса материальной и духовной культуры, становления облика населения особой сакской культуры Притяньшанья, которая существовала на основной части этого региона с конца VII по первую половину II вв. до н. э. Однако процессы, происходившие здесь на протяжении конца IX – VII вв. до н. э., не совсем ясны и во многих своих аспектах туманны. В свете этого детальное исследование особенностей культурных

сдвигов в Притяньшанье в данный хронологический период представляется крайне необходимым, так как их более глубокое понимание поможет объяснить многие социокультурные явления, которые существовали уже в недрах последующей сакской культуры Притяньшанья.

Но раннесакский период данного региона известен к настоящему времени очень фрагментарно: он представлен не более чем двумя десятками курганных захоронений и около сорокакладами бронзовых предметов. Причем именно последняя категория археологических находок дает наибольшее представление о характере культуры, потенциальных культур-

ных и иных связях населения Притяньшанья в начале раннего железного века. В связи с чем наше внимание привлекли удила с псалиями из Новопавловского клада, так как они дают довольно интересные данные о культурном обмене с другими районами Центральной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока в начале I тыс. до н. э.

Данный клад был найден в 1987 г. на территории с. Ново-Павловка, на западной окраине современного Бишкека¹. Он состоял из трех бронзовых предметов: цельнолитых удил с псалиями и парных подпружных пряжек раннескифского облика. В том же году он был передан в фонды нынешнего Национального исторического музея Кыргызской Республики. В настоящее время удила с псалиями находятся в экспозиции данного музея², а подпружные пряжки, по-видимому, были утеряны, и обнаружить следы их настоящего местонахождения нам не удалось.

В научной литературе предметы Новопавловского клада упоминались кратко лишь единожды (Мокрынин, Плоских, 1992, с. 36). В.П. Мокрынин и В.П. Плоских в общих чертах охарактеризовали их, отметив, что подпружные пряжки декорированы изображениями лежащих львов, а цельнолитые удила с псалиями – головками лошадей с козлиными рогами³. Они также предложили отнести данный клад к VII–VI вв. до н. э., подчеркнув, что он является доказательством ранних культурных связей территории Притяньшанья с Ближним и Средним Востоком, не приводя, впрочем, в пользу этого каких-либо существенных доводов и доказательств.

Поскольку в последней публикации предметы клада не были воспроизведены ни в качестве фотографий, ни рисунков, мы решили обратиться к нему снова спустя почти четыре десятилетия. Но так как подпружные пряжки из его состава нам не доступны по указанным выше причинам, то основное внимание было сосредоточено на уникальных удилах с псалиями, которые, помимо того, что представляют собой высокохудожественное произведение, также дают ценнейшую информацию о культурных взаимосвязях древнего населения Притяньшанья в раннесакский период.

Описание предмета. Удила бронзовые, цельнолитые с псалиями, имеющими зооморфно оформленные окончания. Внешние окончания удил слиты со стержнями

псалиев таким образом, что с внешних сторон они образуют прямоугольные петли, одна из которых почти полностью обломана. Их стержни гладкие, округлые в сечении, образуют звено при помощи округло-стремявидных внутренних окончаний. Псалии – прямые, стержневидные, подквадратные в сечении, их концы украшены парными головками горных козлов, расположенными перпендикулярно по отношению к удилам. При этом выгнутая шея и морда животных при соединении со штырем псалия образует подтреугольное отверстие, которое имело, по-видимому, функциональное назначение. Дополнительное отверстие, большее по размеру, но уже декоративного характера, образовано переданными в профиль рогами козлов, которые, полукругло изгибаясь, достигают шеи животного. Все четыре головки горных козлов одинаковые. Одна из них дошла в отломанном состоянии, но у нее сохранилась лишь часть рога (рис. 1).

Размеры предмета: общая длина удил с псалиями составляет 16 см, из которых на целое звено приходится 8,7 см, диаметр стрежней удил 0,8–0,9 см, размеры внутреннего кольца звена удил 1,7×1,4 см, длина псалиев 16,5 см, в сечении они составляют 0,9×0,7 см, размеры головок горных козлов – 4,7×3,5 см.

Если же обратиться к художественным особенностям головок козлов, то они переданы в характерном стиле, присущем скифо-сибирскому «звериному» стилю. Они обладают экспрессивностью и динамикой, словно животные находятся в движении. Так, это просматривается по их выгнутой шее и опущенным головам, детали которых показаны очень реалистично – рельефно подчеркнуты слегка приоткрытый рот и ноздри миндалевидной формы, округлый глаз, заостренное ухо. На морде дополнительно выделены продольными линиями нижняя челюсть и область вокруг глаза животного, что позволяет отделить их таким образом от шеи. Несколько схематично передана борода у козлов, которая, наряду с истончающейся шеей, сочленяется со стержнем псалия, образуя малое отверстие, как отмечалось выше. Рога животных полукруглые, с четко профилированными сегментовидными выступами годовых колец, типичными для этого вида. Кроме того, рельефный переход между слегка опущенной головой и выгнутой шеей козлов передан таким образом, что вместе с малым

Рис. 1. Бронзовые цельнолитые удила с псалиями в зооморфном стиле из Новопавловского клада (Чуйская долина, Киргизия)

Fig. 1. Bronze solid-cast horse bits with zoomorphically decorated bit shanks from the Novopavlovka hoard (the Chuy Valley, Kyrgyzstan)

отверстием приобретают очертания головки хищной птицы с загнутым клювом – сюжета, также характерного для скифо-сибирского искусства.

Итак, по расположению отверстий функционального характера псалии можно отнести к группе трехдырчатых, а удила в свою очередь – к типу со стремявидными окончаниями. Данные детали конской узда по всем своим главным особенностям характерны для раннесакского периода.

Хронология. Впрочем, несмотря на то, что общая хронология цельнолитых удил из Новопавловского клада в целом ясна, вызывает интерес, в рамках какого, более «узкого» временного промежутка они могли использоваться в Притяньшанье? На территории этого региона удила подобного облика более не известны и представляют здесь уникальное явление, требующее своего объяснения, в том числе в хронологическом измерении. Для этого мы можем обратиться к аналогиям не только в чисто утилитарном отношении, но и к художественным параллелям изображениям головок козлов на псалиях рассматриваемых удил.

Ближайшей точкой в самой Центральной Азии, где известны сходные детали конского снаряжения, является Восточное Приаралье.

Здесь в могильниках Уйгарак (курган 26) и Тагискен (курган 55) отмечены типологически близкие цельнолитые удила с псалиями (Вишневская, 1973, с. 100, 102–103, табл. VIII, 5; Итина, Яблонский, 1997, с. 55–57, рис. 47, 9). Они отличаются от новопавловских в основном тем, что не имеют зооморфно оформленных окончаний псалиев и их стержни выгнуты в стороны, впрочем, концы угаракских псалиев трактованы в виде лошадиных копыт. Л.Т. Яблонский предложил для приаральских экземпляров датировку в пределах от рубежа VIII–VII до середины VI вв. до н. э. (Яблонский, 2004, с. 50–52). Впрочем, П.И. Шульга предложил ограничить появление удил этого типа началом VII в. до н. э. (Шульга, 2008, с. 78–79), что нам представляется вполне целесообразным.

Эта датировка в целом подтверждается другими конструктивными особенностями удил и псалиев из Новопавловского клада. Так, удила имеют прямоугольно-стремлявидные окончания, а псалии фактически имеют трехдырчатую конструкцию – все эти признаки присущи деталям конского снаряжения раннескифского облика и хронологически укладываются в VIII – первую половину VI в. (Шульга, 2008, с. 57–59, 66–74, 78–79).

Но в то же время центральноазиатские цельнолитые удила с псалиями обнаруживают заметное морфологическое сходство с удилами типа Хасанлу, которые довольно широко были распространены на территории Ирана, Ирака, Турции и Южного Кавказа в VIII – начале VII вв. до н. э., ряд из них имел характерные плетеные стержни (Иванчик, 2001, с. 203, 205, 208, рис. 98–100; Медведская, с. 425, рис. 3, 1, 2, 4, 6). Однако при всем сходстве их с экземпляром из Ново-Павловки, удила типа Хасанлу выглядят более архаично и в лучшем случае их можно рассматривать в качестве прототипа, но никак не прямой аналогии. Гораздо ближе типологически к новопавловским удилам весь корпус известных раннесакских удил из Центральной Азии конца VIII – первой половины VI вв. до н. э. (Горбунова, 2001, с. 183–194, рис. 1–3; Яблонский, 2004, с. 50–52, 58–60, рис. 6). Высказывалось также мнение о сходстве удил из Уйгарака и Тагискена с предскифскими удилами типа Константиновка – Енджа, которые также имеют цельнолитую конструкцию с псалиями (Иванчик, 2001, с. 202–203), но едва ли это возможно из-за заметных конструктивных различий между ними.

Итак, хронологически удила из Новопавловского клада укладываются по своим особенностям и ближайшим аналогиям в пределы VII – первой половины VI в. до н. э. Однако, по-видимому, эта датировка для удил из данного клада может быть ограничена по крайней мере VII в. до н. э., как и приаральских их аналогов, так как они представляют собой уникальную попытку поиска синтетических форм между степными и ближневосточными удилами, которая не прижилась в итоге в Центральной Азии, и едва ли ее продукт мог существовать слишком длительное время. Мы не наблюдаем какого-либо последующего развития этой эволюционной линии цельнолитых удил, она довольно быстро затухает – видимо, уже в течение второй половины VII столетия до н. э.

Эта датировка в целом подтверждается наличием в составе данного клада парных подпружных пряжек, которые также были характерны исключительно для раннескифского периода (Шульга, 2008, с. 93, 96). Кроме того, дополнительным основанием для этого служит декор шпенька одной из пряжек с характерным для этого времени «копытовид-

ным» знаком, который был довольно типичен для этого периода.

Предложенной хронологии не противостоят стилистические особенности передачи головок горных козлов на псалиях удил из Ново-Павловки. Наиболее территориально близкая им аналогия известна из клада из Биже, в состав которого входили два навершия оглоблей повозки, украшенные головками горных козлов. По своим изобразительным особенностям они практически идентичны новопавловским. Клад из Биже был датирован второй половиной VIII – началом VII вв. до н. э. (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 38–41, 54м59, 62–63, рис. 3). Примечательно, что в Центральном Казахстане, в кургане 2 могильника Тасмола V, были найдены относительно сходные по функциональному назначению детали конской упряжи, украшенные скульптурными головками диких козлов, которые также близки по передаче основных деталей к головкам из Новопавловского клада. Погребение, в котором они были найдены, было отнесено к группе тасмолинских погребений VII–VI вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, с. 311, 323, рис. 18). Но по современным представлениям, с учетом того, что оно содержало детали конского снаряжения раннескифского облика, его датировку можно ограничить по крайней мере VII – первой половиной VI в. до н. э. Довольно близкие по трактовке парные головки козлов⁴ имеются на подпружной пряжке из кургана 66 могильника Уйгарак в Восточном Приаралье, относящиеся к VII в. до н. э. (Вишневецкая, 1973, с. 117, табл. XVII, 19; Королькова, 2006, с. 21, табл. 49, 15). Еще одна сходная аналогия образу козлов на удилах из Новопавловского клада известна из кургана 10 Памирской I на Восточном Памире (Бернштам, 1952, с. 298, рис. 128, 5). Здесь была найдена бронзовая фигурка горного козла, у которого рога, ухо и борода были изображены в достаточно сходной стилистике. В настоящее время данное погребение из Памирской I датируется в пределах VIII–VII вв. до н. э. (Рябкова, 2010, с. 239–240).

Кроме того, ряд довольно сходных образцов изображений горных козлов известен в материалах тагарской культуры в Южной Сибири. К примеру, можно в этом плане выделить ряд фигурок на колоколовидных навершиях, ножах и других предметах (Членова, 1967, с. 113–114, 116–117, табл. 22, 6–7, 24, 2, 3, 7; Зави-

тухина, 1983, с. 30, 97, кат., № 1). Все данные изображения головок козла хронологически укладываются в VII–VI вв. до н. э.

Итак, все приведенные аналогии позволяют датировать цельнолитые удила с псалиями из Новопавловского клада в пределах VII – середины VI вв. до н. э. Но с учетом того, что дальнейшая эволюционная линия удил подобного облика не прослеживается в Центральной Азии на больших материалах, это свидетельствует о том, что она просуществовала относительно недолгое время и вряд ли выходит за пределы собственно VII столетия до н. э.

Культурный контекст удил из Новопавловского клада. К настоящему времени рассматриваемые удила являются, по-видимому, одной из самых восточных находок предметов подобного облика⁵. Примечательно, что они представляют здесь единичное явление, но их связь с удилами сходного облика из Приаралья очевидна. Поэтому вполне вероятно, что новопавловский экземпляр мог попасть в Притяньшанье именно в результате контактов именно с этим регионом, тем более что этнокультурные связи между их населением в раннесакский период уже отмечались ранее (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 46–54).

Но откуда цельнолитые удила с псалиями могли появиться на юге Центральной Азии в начале раннего железного века? Единственным наиболее возможным прототипом их сложения могли выступить цельнолитые удила типа Хасанлу, широко распространенные на Ближнем и Среднем Востоке, Южном Кавказе в VIII – начале VII вв. до н. э., т. е. непосредственно накануне формирования удил сходного облика в Центральной Азии. При этом влияние ближневосточной линии развития удил на формирование данной детали конского снаряжения отмечалось исследователями и ранее, что служит только дополнительным косвенным доказательством в пользу культурного воздействия со стороны указанных регионов на оформление типа удил из Новопавловского клада и в этом случае. Дополнительным аргументом в этом выступает и то, что ряд псалиев цельнолитых удил типа Хасанлу также украшался в зооморфной манере – к примеру, можно отметить в этом отношении экземпляр из некрополя Алтынтепе в Восточной Турции, концы псалиев которого были декорированы четырьмя стилизованными головками лошадей (Медведская, 2013, рис. 3, б).

Справедливости ради стоит отметить, что цельнолитые удила с псалиями использовались на Среднем и Ближнем Востоке и позднее, вплоть до рубежа V и IV вв. до н. э., но они имели несколько иной облик, чем удила типа Хасанлу (Иванчик, 2001, с. 180, рис. 86, 1–4). В частности, у них более четко выделены внешние круглые окончания грызель, в то время как у более ранних удил они обозначены лишь частично с внешних сторон псалиев. Аналогичная морфонологическая особенность присуща также центральноазиатской совокупности цельнолитых удил из Притяньшанья, Приаралья, а также Восточного и Северо-Восточного Казахстана. Это прямо указывает, что их происхождение можно связать с более ранней ближневосточной традицией, отраженной в удилах типа Хасанлу.

Учитывая все изложенное, не вызывает сомнений, что формирование всей совокупности, хотя и немногочисленной, бронзовых цельнолитых удил с псалиями из южной части Центральной Азии было связано с удилами типа Хасанлу. Это могло произойти не ранее рубежа VIII и VII вв. до н. э.

В то же время нет никаких оснований рассматривать цельнолитые удила из Притяньшанья и Приаралья в качестве импорта с территории Среднего и Ближнего Востока. Поскольку их связь со степной линией развития конского снаряжения очевидна – в пользу этого прямо говорит форма удил, которая, как отмечалось выше, находит полные аналогии в материалах скотоводческих культур Центральной Азии раннесакского периода.

С другой стороны, были ли действительно удила из Новопавловского клада изготовлены на территории Притяньшанья? В данном случае на этот вопрос могут помочь ответить подпружные пряжки из его состава. Необходимо учитывать, что образ льва в целом не характерен для раннескифского «звериного» стиля данного региона, поскольку он не входил в природный ареал его распространения в древности, и, по-видимому, данное животное было практически неизвестно местному населению. Первые достоверные изображения льва в Притяньшанье можно связать с влиянием Ахеменидского Ирана и отнести уже ко времени позже конца VI в. до н. э. (Артамонов, 1973, с. 38, 44, 46, рис. 43–46, 49). Но наиболее ранние образцы «звериного» стиля, изображающего это животное, извест-

ны из могильника Тагискен в Приаралье, где они датируются VII–VI вв. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997, с. 64–65, рис. 78).

Это позволяет предположить, что все предметы Новопапавловского клада представляют собой импорт из Приаралья, попавший на территорию Притяньшанья в результате культурных контактов между двумя этими регионами. Это, собственно, и объясняет их столь нетипичный для последнего региона облик, в том числе столь нехарактерный для местного раннесакского искусства образ львов.

Выводы. Бронзовые цельнолитые удила с псалиями наряду двумя подпружными пряжками, входившими в состав Новопапавловского клада, представляют собой уникальные высокохудожественные предметы, которые могут быть датированы в пределах VII в. до н. э. Ближайшими и морфологически сходными аналогами удил из Ново-Павловки можно считать экземпляры из могильников Уйгарак и Тагискен в Приаралье, а также две случайные находки из Восточного и Северо-Восточного Казахстана, которые относятся к этому

же хронологическому периоду. В настоящее время Чуйская долина представляет собой одну из наиболее восточных точек в распространении цельнолитых удил с псалиями данного облика в Евразии.

Формирование подобного типа удил в Центральной Азии было связано с ближневосточной традицией, в частности с удилами типа Хасанлу, которые обладают всеми основными сходными признаками. Но они датируются несколько более ранним временем, чем центральноазиатские, хронологический диапазон их существования охватывает VIII – начало VII вв. до н. э. Поэтому не вызывает сомнений, что именно удила типа Хасанлу выступили прототипом для формирования центральноазиатских цельнолитых удил. Причем это, по-видимому, происходит на территории Приаралья. Поэтому есть все основания рассматривать новопапавловские удила, как и подпружные пряжки из этого же клада, в качестве потенциального импорта, попавшего на территорию Притяньшанья в ходе культурных контактов с данным регионом.

Примечания:

¹ В настоящее время данное село включено в черту г. Бишкека.

² Инвентаризационный номер КП 2916.

³ Последующий их осмотр показал, что псалии были декорированы все же головками козлов, а не рогатых лошадей.

⁴ О.А. Вишневецкая в тексте называет их головками баранов, но при детальном рассмотрении их особенностей становится очевидным, что это все-таки головки козлов.

⁵ В ходе любезной консультации Б.Б. Бесетаев указал, что отдельные находки удил рассматриваемого облика известны также в Восточном и Северо-Восточном Казахстане. При этом фрагмент одних из данных удил имел черты, практически аналогичные приаральским.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 38–63.

Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА. № 26. М.; Л.: АН СССР, 1952. 348 с.

Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Восточная литература, 2001. С. 179–200.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / Степные народы Евразии. Т. II. М.: Институт всеобщей истории, 2001. 325 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 302–433.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху VII – IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Медведская И.Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 412–441.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. Бишкек: Илим, 1992. 174 с.

Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10 (К вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб: ИИМК РАН, 2010. С. 237–240.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч.1. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Яблонский Л.Т. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 45–68.

Информация об авторе:

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская Республика); sak@yandex.ru

Пиридинова Малике Камалидиновна, ведущий научный сотрудник, Национальный исторический музей КР (г. Бишкек, Кыргызская Республика); аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); piridinovas@gmail.com

REFERENCES

Akischev, K. A., Akischev, A.K. 1978. In Akischev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Kazakhstana (Archaeological sites of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 38–63 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov (Treasure of the Saka people)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Altaya (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Altai)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 26. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorbunov, N. G. 2001. In Sedov, A. V. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istorii i kultura (Ancient civilizations of Eurasia. History and culture)*. Moscow: Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Zavitukhina, M. P. 1983. *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremia. Publikatsiia odnoi kolleksii (Ancient art on the Yenisei. Scythian period. Publication of a single collection)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriitsy i skify (The Cimmerians and Scythians)*. Series: *Stepnye narody Evrazii (Steppe Peoples of Eurasia)* 2. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskiy L. T. 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Sakas of the Lower Syr Darya (Based on Materials from Yuzhny Tagisken Burial Ground))*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Kadyrbaev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akischev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kadyrbayev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akischev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303–433 (in Russian).

Medvedskaya, I. N. 2013. In Vishnyatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 412–441 (in Russian).

Mokrynin, V. P., Ploskikh, V. M. 1992. *Klady v Kyrgyzstane: mify i realnost (Hoards in Kyrgyzstan: myths and reality)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).

Ryabkova, T. V. 2010. In Alekshin, V. A. et al. (eds.). *Drevnie kul'tury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint-Petersburg: “Info-ol” Publ., 237–240 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannyyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury (Genesis and early history of the tribes of the Tagar culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Shulga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I. Ranneskijskoe vremia (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai. Part I. Early Scythian period)*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 45–68 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Sergei S. Candidate of Historical Sciences. Kyrgyz National University. Frunze str., 547, Bishkek, 720033, Kyrgyzstan; sak@yandex.ru

Piridinova Malike K. National History Museum of the Kyrgyz Republic. 112 Chui Avenue, Ala-Too Square. Bishkek, 720040, Kyrgyzstan; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; piridinovas@gmail.com

Статья поступила в журнал 20.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.